

Уважаемые студенты!

Вам необходимо ознакомиться лекцией. Сделайте конспект. Проработайте вопросы для контроля. Работы присылайте на почту: irina-ovsyannikova1959@mail.ru
По вопросам звоните: 072-105-72-11

Тема: Особенности развития литературы 1920-х годов.

Сочетание трагического и комического в произведениях, написанных в 20-е годы.

Исаак Эммануилович Бабель. Произведения из сборника «Одесские рассказы». Проблематика и особенности поэтики прозы.

Михаил Михайлович Зощенко. Рассказы «Аристократка», «Баня»,
Илья Ильф и Евгений Петров. Обзор романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Роман «Двенадцать стульев» как авантюрный роман.

Теория литературы. Авантюрный роман.

План.

1. Исаак Эммануилович Бабель
2. Михаил Михайлович Зощенко
3. Илья Ильф и Евгений Петров.

Имя Зощенко, на протяжении четырех десятилетий находилось, мягко говоря, под гнетом официального недоверия, непризнания, а в отдельные годы и периоды вообще вычеркивалось из литературного обихода. Поэтому после смерти писателя (1958 г.) многие из тех, кто хорошо знал его, был с ним близок, знаком или же просто наблюдал и слышал его и мог оставить о нем воспоминания, не сделали этого, видимо, не предполагая, не веря, что правда о Зощенко может увидеть свет в какое-то обозримое время. Достаточно назвать таких свидетелей его жизни, как: Н. Акимов, А. Ахматова, О. Берггольц, И. Груздев, Вс. Иванов, С. Маршак, Н. Никитин, Ю. Олеша, А. Д. Сперанский, Н. Тихонов, О. Форш, М. Шагинян, Д. Шостакович, Б. Эйхенбаум чтоб представить себе, сколь невосполнимы потери, понесенные еще в пору, когда сама мысль о возможном сборнике воспоминаний о Зощенко, вряд ли могла прийти даже в самую дальновидную голову.

Уже одно это как бы ставило под вопрос полноценную реализацию замысла. И все же нашлось немало людей, которые не посчитали бессмысленным и безнадежным вспомнить о Зощенко, и, несмотря на сопротивление редакторов и цензуры, сумели донести до читателя свое о нем слово. К. Чуковский, В. Каверин, М. Слонимский сделали это еще в 60-е годы. Воспоминания были написаны мастерами, и потому прочитавший их получал

ярчайшее представление о своеобразии личности Зощенко, о его литературных и общественных устремлениях, но... как в этих воспоминаниях, так и в тех, что появились в 70-е и в первой половине 80-х годов, глухо, намеками, а то и вовсе не говорилось о жестокой судьбе писателя — о том, как он жил после августа 1946 года, как выбивался из сил, пытаясь вновь занять свое место в литературе, как умер, так и не получив отпущение им не совершенных грехов. Блюстители «идейной чистоты» сталинско-ждановского постановления стояли на страже и не пускали, вымарывая все, что эту «чистоту» нарушало.

Как ни грустно было признать, но из этого следовало, что того сборника воспоминаний о Зощенко, в котором должна была быть, говоря его собственными словами, «голая правда», не получалось. Тем более что большинство авторов, чьи воспоминания были когда-то опубликованы и которые теперь, в новых условиях, можно было бы дописать и переписать, ушли из жизни.

И тем не менее надежда все же не гасла. Круг лиц, знавших Зощенко, был велик и разнообразен. Ведь не только писатели находились в его орбите. У писателей были жены, дети, были в окружении Зощенко художники, артисты, работники издательств, наконец, просто близкие его сердцу люди, которые могут знать не меньше, чем товарищи по профессии. Решено было пройти этот круг.

И он был пройден. И надежда на восполнение правды в личной и творческой судьбе Зощенко более чем оправдалась. Написанное специально для сборника как бы вписало, восстановило изъятый когда-то текст из воспоминаний первых мемуаристов Зощенко и тем самым выправило общую тональность рассказа о нем.

При всех заведомо утраченных возможностях иметь максимально полное представление о Зощенко, о его человеческом и писательском облике, можно считать, что в той мере, в какой отпущено нам обстоятельствами, этот облик коллективными усилиями ушедших и ныне живущих авторов настоящего сборника создан.

Осталось сказать, что часть воспоминаний, вошедших в сборник, перепечатана из книги «Михаил Зощенко в воспоминаниях современников» (М., «Советский писатель», 1981); другая часть извлечена из авторских сборников и периодических изданий; более одной трети воспоминаний написано для сборника специально. Издательство и составитель приносят их авторам сердечную благодарность.

К литературе Михаил Зощенко стремился давно. С детства. В записной тетради 1917—1920-х годов сохранилась запись:

1902–1906 — стихотворения.

1907 — рассказ «Пальто».

1910 — рассказ «За что?».

1914 — Письма. Наброски.

1915 — Письма. Эпиграммы.

1917 — Рассказы.

Из этих записей видно, что первые литературные опыты Зощенко относятся к самым ранним детским годам — к шести-семилетнему возрасту, когда он пробовал себя в поэзии (вряд ли удачно!), а первый его рассказ — «Пальто» — был написан, когда ему было одиннадцать-двенадцать.

В той же записной тетради он пишет:

«Нужно придумать цель в жизни. Придумать идею. Или иметь в своей душе». И дальше: «Цель жизни — найти призвание».

Его заветной целью, его идеей, его «призванием» стала литература.

В декабре восемнадцатого года он зашел ко мне, приехав на несколько дней с фронта, из Красной Армии. В коротенькой куртке, переделанной им самим из офицерской шинели, в валенках.

Как ни странно (а впрочем, может быть, вовсе не странно), в гимназии его сочинения оценивались очень низко и на выпускном экзамене в восьмом классе он получил двойку за сочинение о «Дворянском гнезде» и Лизе Калитиной. Он никогда не мог писать по «трафарету», так, как требовалось, высказывать «общеизвестные истины» — он всегда искал новых, своих, непроторенных путей.

А вот и первые свидетельства его упражнений в сатирическом жанре. В «полевых книжках» 1915–1917 годов между «рапортами», «донесениями» по начальству и другими «военными делами» встречаются эпиграммы на однополчан.

Конечно, поэтического дара у молодого офицера не было, но эпиграммы уже говорят о его способности отмечать в людях смешное, жалкое, пошлое, глупое.

В «полевой книжке» шестнадцатого года — в конце — листки с набросками рассказов. «Разложение» — датированный июлем четырнадцатого года. Затем несколько страничек, очевидно написанных уже на фронте, помещенных как «отрывок из повести „Жид“». И, наконец, начальные абзацы рассказа «Я разлюбил ее».

По этим наброскам трудно судить о росте автора в сравнении с тем, что было им написано в четырнадцатом году. Но вот о чем можно сказать с определенностью: он продолжал тему бедного человека. Кроме того, в этих набросках есть что-то и от второй его темы, выразившейся в эпиграммах. Рассказ «Я разлюбил ее», видимо, был задуман как шарж на пошлость, которая пополам с глупостью так легко уживается в некоторых людях.

Но в этой же «полевой книжке» есть и третье направление его литературы, то, по которому, быть может, он и пошел бы, если бы сохранилась «прежняя жизнь», если бы не появился новый читатель — народ.

Для народа он стал писать так, чтобы быть понятным и нужным новому читателю, потому что он считал нелепым писать для «читателя, которого нет».

Но тогда — в 1915–1917 годах — он писал иначе.

В той же «полевой книжке» — черновики его писем, «писем к женщинам», которые он писал из «действующей армии».

Не знаю, все ли эти письма были адресованы реальным женщинам, возможно, некоторые — например, «К Евгении А...», при которых имеются даже планы письма-рассказа, или «Письмо тоскующему другу», — были полностью «литературными произведениями», но для всех писем характерно одно: изысканный слог, «поэтическая настроенность» и тема — любовь и печаль, стремление понять, что такое любовь для женщины и что она для мужчины.

Из письма в письмо кочуют «поэтические» вступления, красивые фразы, утонченные чувства.

И кажется, эти письма рождены в основном потребностью писать.

В письме к сестре Валентине от 13 ноября 1916 года он прямо говорит об этом:

«...чтобы подойти к цели моей. А цель есть. Так слушай: чтобы не одуреть окончательно и не заплесневеть в одиночестве своем, решил занять чем-то мысли и сознание.

Иногда, когда радость, или печаль, или скука томящая резче заставляют думать логически, тогда хочется писать, чтобы как-то проникнуть в анализ разума.

Так вот — иногда буду писать тебе. Что — пока безразлично. Ты читай их, и у тебя, несмотря на многие преграды, явится желание писать, чтобы письмами своими создать и себе и мне настроение».

В марте 1917 года по болезни сердца он был демобилизован из армии и вернулся в родной Петроград.

В мае была наша встреча, с лета он уже всерьез отдал себя литературе. Пишет рассказы, коротенькие миниатюры, «cartes postales» — открытки. Пишет мне письма, хотя мы встречались тогда через день.

И эти письма тоже были «литературными произведениями», и в них перекочевали некоторые фразы и мысли из писем «полевой книжки», а потом фразы из этих писем вошли в его рассказы, некоторые даже — в первые напечатанные рассказы 1921 года. И трудно сказать, где кончалась литература и где начиналась жизнь. Потребность творчества вырвалась наконец на волю. Новеллы сыпались одна за другой — он либо посылал их мне по почте, либо приносил с собой и читал вслух.

Даже на страничках моего альбома набрасывал он свои мысли — «афоризмы житейской мудрости», а в моем дневнике сохранился отрывок сказки, написанный его рукой...

О чем бы ни писал он тогда, в его рассказах, сказках, миниатюрах всегда присутствовала тема любви.

Автору было двадцать два года, и он только что вырвался из войны, где рядом была смерть. К тому же умами молодежи в то время властвовали Арцыбашев, Вербицкая, Анатолий Каменский и некоторые другие писатели, в произведениях которых пропагандировался «культ земных наслаждений», «культ тела», чувственная любовь и прочее в этом духе. И то, что писал Зощенко, было как бы данью еще не ушедшей моде.

Пожалуй, наиболее зависимыми от этой моды рассказами были «Сосед» и «Мещаночка». Первый — о любовных томлениях молодой женщины, вышедшей замуж за старика, об ее измене и возвращении к мужу, «помолодевшему» под воздействием этой измены. Во втором — диалог двух приятелей, один из которых жалуется, что ему надоела любовница, а другой выражает готовность его заменить.

В обоих рассказах ощущается не только влияние названных русских писателей, но и Мопассана.

Сохранившиеся наброски рассказов «Случай с гусаром», «Маруся», «Кошка», «Рассказ кассира» говорят о том, что они были задуманы в том же

плане, что «Сосед» и «Мещаночка». На ту же тему — об «изгибах любви» — Зощенко предполагал написать повесть «Самец». Была попытка работать над пьесой «Пациентка доктора Белана». Тема все та же: легкая любовь. Сохранился лишь короткий план, набросок.

Но вот Зощенко пишет рассказы «Как она смеет», «Подлец», «Актриса», «Конец», несколько позже — «Муж». Это совсем другие произведения. В них уже нет прежнего интереса к деталям и «механике любви» (позднее выражение Зощенко). На первом месте — психология людей, которые в том или ином качестве оказываются в «сфере любви».

В некоторых из этих рассказов угадывается будущий писатель, так остро и горько чувствовавший жалкое в человеке, умевший разглядеть мнимую и истинную трагедию его души.

В рассказе «Как она смеет» герой горюет не столько потому, что его покинула возлюбленная, сколько потому... Но лучше я обращусь к тексту.

«...Для любви самый хороший конец — середина. А вот мой незнакоме потому такой сумрачный и трагичный, что именно он и пренебрег этой маленькой истиной. И я, наверное, не ошибся.

Он оживился очень.

— Да, да, это так: конец всегда отвратителен. Но сам-то я разве видел пьяницу, который отказался бы выпить вино свое до конца?»

И он рассказывает случайному встречному о последней встрече с любимой. Он ей сказал, что «сосчитает до десяти и, если она не изменит жестокого своего решения, он убьет себя. О, он твердо решил это сделать. И стал считать». И она сначала испугалась, потом в ее глазах зажглось любопытство, потом тщеславие. А потом... она расхохоталась. «Звонко, отчетливо, закинув голову назад, и в глазах ее насмешка была. Она подумала, что он не убьет себя. Неужели можно было подумать? Подлая! Тварь!» Она ему не поверила. Как она смела! Об этой же жалости человеческой рассказ «Подлец». В угоду мнимой порядочности герой теряет истинное: любовь.

В рассказе «Муж» женщина тоже теряет свою любовь. Но здесь причина другая. Она слишком долго «собиралась» любить, а когда наконец полюбила — разлюбили ее. «Конец» — короткий рассказ, скорее даже некое литературное упражнение, в котором молодой автор пытается передать состояние человека, отважившегося на самоубийство.

Уже тогда, в неизвестный читателю период своей литературной работы, Зощенко старался быть лаконичным, кратким в изложении сюжета, в описании чувств и поступков своих героев. В рассказе «Актриса», например

(написанном в июле 1917 года), видно, как далек еще Зощенко от себя всем известного и в то же время как он уже близок к себе.

Летом 1919 года Михаил Зощенко работает старшим милиционером на станции Лигово, и тут «юмористический уклон» его дарования окончательно берет верх над «красивыми изысками». Он пишет товарищу по службе, старшему милиционеру Форсбергу, свои забавные «Приказы по железнодорожной милиции и уголовному надзору ст. Лигово». Летом 1919 года Зощенко поступает в Студию, организованную при издательстве «Всемирная литература», которым руководил А. М. Горький. Здесь были открыты отделения прозы, поэзии, критики и переводов. Помещалась Студия на Литейном проспекте, но с осени 1919 года ее перевели в только что открытый Дом искусств на Мойке, угол Невского. И здесь, под руководством Корнея Ивановича Чуковского, который вел занятия в отделении критики, учится Михаил Зощенко.

Сначала — критические статьи.

Задуман был обширный цикл: обзор литературы 1910–1920 годов, книга — «На переломе».

Как мы знаем из его автобиографической повести, напечатанной позднее в журнале «Октябрь», хандра душила его с самого раннего детства, и смех был единственным противоядием его ипохондрии, единственным его спасением от нее. В той же автобиографии он вспоминает, что стоило ему взять в руки перо — и угнетавшие его мрачные чувства сменялись со странной внезапностью необузданно-бурным весельем.

Вопросы для самоконтроля:

1. В чем сочетание трагического и комического в произведениях, написанных в 20-е годы?
2. Назовите и охарактеризуйте творчество писателей этого времени.

